Анриш заключила твёрдым голосом. Дворецкий кивнул.

— Я понимаю, о чём вы говорите. Я посмотрю на горничную повнимательнее.

— Спасибо. Надеюсь на любезное сотрудничество в будущем.

Услышав эти слова, дворецкий на мгновение почувствовал себя странно, словно перед ним стоял незнакомец.

Его голову наполнила мысль: Неужели это Мадам?

* * *

После встречи с дворецким ей почему-то захотелось увидеть лица детей. Поэтому Анриш направилась в игровую, где сейчас те и находились.

— Мама, ты здесь?

Первой, кто бросился бежать, конечно же, была Лилиана.

— Что ты делаешь, мама?

У Эллиота было кислое лицо, но, в отличии от прежнего себя, он не уклонялся от внимания так открыто. Анриш покачала головой с озорным взглядом.

— Боже мой, нужна ли мне причина, чтобы прийти к вам?

— Нет, мама! Ты можешь приходить в любое время!

Лилиана удивлённо покачала головой, а Эллиот взглянул себе под ноги, отвечая:

— Хорошо, если это мама. Можешь приходить, когда хочешь.

— Да, да.

Она села в углу игровой, наблюдая за детьми. Анриш переваривала разговор с дворецким.

Мне пока что нужно отдохнуть…

С этой мыслью она зарылась в кресло. Узкие глаза леди были острыми, словно лезвие.

Внезапно…

— Мама, можешь взглянуть?

Лилиана подошла к ней и внимательно показала альбом.

— Я нарисовала маму, но…

Анриш широко открыла глаза, увидев женщину, изображённую в виде грубых кругов и золотых треугольников.

Лилиана, сказала, что нарисовала меня… Полагаю, это человек?

У женщины была серебряная лента на её тёмно-каштановых волосах, которые вылезали наружу. Поэтому Анриш выглядела кричащей.

— Это я?

— Да! Это отец, а это Эллиот!

Как у собаки, надеющейся на комплименты, глаза дочери горели, как фонари. Эллиот, глядя на картину, тут же надул губы.

— Почему только маму раскрасили золотыми и серебряными мелками? Обычно ты не используешь их и даже не позволяешь касаться.

Похоже, ребёнок расстроился, увидев рисунок Лилианы. Если быть точным, потому что его также не раскрасили теми же цветами, что и Анриш.

— Почему так?

— Ну, Эллиот… Знаешь… – девочка замялась.

— Я понял, Лилиана, тебе нравится только мама…

Эллиот начал дуться, отчего сестра пришла в панику, не зная, что и делать. При виде столь милого зрелища Анриш вдруг рассмеялась.

— Надеюсь, вы не будете ссориться из-за этого.

Прежде всего, женщине предстояло безопасно решить вопрос с горничной. Она настроилась твёрдо. И теперь оставалось только ждать.

Надеюсь, подозрения напрасны.

Анриш отчаянно желала этого.

* * *

Мэг встала перед дверью и глубоко вздохнула.

— Я не могу поверить, что мне приходится браться за такую опасную работу… – проворчала она.

Однако для того, чтобы добиться большего, приходилось идти на риск.

— Мне нужно избавиться от Лилианы, – Мэг решила обвинить ребёнка в воровстве. — Как только я заставлю их подозревать её, другие горничные последуют моему примеру.

Все они располагались перед ней, словно на ладони. Несомненно, каждая засвидетельствовала бы:

— Я видела, как Леди Лилиана крала.

Мэг открыла дверь, стараясь не шуметь. Прекрасный вид на комнату привлёк её внимание. Вся мебель и предметы – самого высокого качества, о чем свидетельствовал экстравагантный характер Анриш.

— Посмотрим шкатулку Мадам…

Немного оглядевшись, она неторопливо подошла к туалетному столику.

Открыв ящик комода, Мэг увидела коробочку с нежными цветами и виноградными лозами из сусального золота. Она медленно открыла крышку шкатулки. Как будто это не было чем-то ценным, драгоценные камни были беспорядочно разбросаны внутри.

— Правильный выбор… Я могу это использовать.

Горничная осмотрела содержимое ястребиными глазами, затем взяла янтарную брошь со счастливым лицом. Её Мадам часто использовала, поэтому точно заметит пропажу. Мэг сунула украшение в карман фартука и приготовилась обернуться.

— Мэг?

— Ах!

Услышав невинный голос позади, звавший её, горничная чуть не уронила шкатулку с драгоценностями, которую держала в руках.

Это был Эллиот. Он склонил голову к двери и задал вопрос:

— Что ты здесь делаешь?

Мэг поспешно положила шкатулку для драгоценностей обратно в ящик и повернулась, неловко улыбаясь.

— Я убираю в комнате Мадам.

— Хм? Но сегодня не тот день, чтобы заниматься этим, не так ли?

— Я лишь подумала… Что комната слишком грязная.

На спине выступил холодным пот. Крепко сжимая карман фартука, чтобы не было видно похищенную брошь, Мэг шагнула вперёд.

— Но я не думаю, что здесь грязно.

— Ах, на окнах огромное количество пыли.

Горничная быстро покачала головой и показала ему заранее приготовленную пыльную тряпку. Мэг открыла широко глаза от услышанного.

— Думаю, мне стоит отругать горничных, что ответственны за комнату Мадам.

— Отругать?

— Конечно. Не кто-нибудь, а Госпожа Валлиос остаётся без внимания.

Мэг, нахмурившись, внезапно понизила голос.

— Молодой Господин…

— Что?

— Не могли бы вы сохранить в секрете то, что я пришла сегодня в комнату вашей матери?

Глаза Эллиота округлились от неожиданности:

— Почему? Ты сказала, что пришла убрать. Есть ли причина хранить это в секрете?

— Да, но… – Мэг намеренно испугалась, теперь её голос стал таким тихим, что Молодой Господин её практически не слышал. — Вы ведь знаете: она очень строгий человек, – она опустила плечи.

Эллиот замолчал, а лицо горничной выглядело безнадёжным.

— Я не знаю, что случится. Возможно, Мадам меня побьёт, – она смотрела на него отчаянным взглядом.

Однако ребёнок не понял сказанное до конца. Конечно, это правда: мать была такой раньше. Даже Эллиот всё ещё опасался её. Тем не менее, размышляя о предыдущих днях, ребёнок понимал: Мэг не стоило так бояться.

— В последнее время моя мама не такая уж плохая, поэтому не волнуйся так сильно, – осторожно сказал он. — Она очень хорошо со мной общается, – Эллиот улыбнулся. — И также хорошо относится к Лилиане.

В этот момент в глазах Мэг мелькнула искра.

Если бы она только не приехала в особняк Валлиос… Мне было так трудно пробраться в комнату Мадам. Даже пришлось своровать брошь.

Чтобы подавить свои чувства, горничная сжала ту в кармане фартука.

— Молодой Господин, мы ведь говорим о Мадам.

Ребёнок почувствовал себя странно: в глазах Мэг, смотрящей на него, текли слёзы.

— Вы действительно верите в свою мать?

— Что? О чём ты?

— Независимо от того, насколько она добра сейчас, есть вещи, которые она делала до сих пор, – голос, смешанный с криком, заставил Эллиота немного колебаться.

Это правда: до сих под Анриш относилась к своим сотрудникам безжалостно. Независимо от того, насколько она изменилась сейчас, эгоистичное поведение в прошлом никуда не стёрлось из памяти.

— Я помню, как часто и жестоко меня ругали. Поэтому я боюсь Мадам.

Из глаз горничной так и текли слёзы.

http://tl.rulate.ru/book/49534/1554111